

Около виселицы на окраине собралось около сотни человек, чтобы увидеть казнь магистрата Юстиниана. Это был тучный человек с бочковатым животом, все еще одетый в кружевное одеяние своей должности, его потное лунообразное лицо не пыталось скрыть явный ужас. Петля была на его шее, и со всех сторон возмущенные крестьяне и ополченцы не сомневались, что он скоро сорвется. Для собравшихся его тучность была лишь лишним доказательством того, как он набивал свой рот и казну, даже когда они оставались без средств к существованию, теряя своих детей в суровую зиму. Его длинный, хорошо сшитый пиджак из красного бархата с узором "елочка" на пуговицах выделялся, как вспышка огня, на фоне однообразных земляных тонов его похитителей. Что касается Окраины, то он пошел бы на смерть с этим пиджаком на плечах. Она заплесневеет в саване из листьев, когда вернется лучший урожай.

"Ты посмел напасть на представителя короны?" прорычал Юстиниан, его щеки хлопали, как потревоженные куры. "Негодяи! Так обращаться со мной, который прижимал тебя к королевской груди и заботился о тебе, как отец о своих детях!" Его голос был глубоким и культурным, привыкшим к публичным выступлениям, и все же в нем слышалась паника: он был так близок к долговому падению и внезапной остановке. Он стоял на той самой виселице, которую сам приказал построить и на которой по его приказу было наказано множество еретиков и воров.

Кто-то крикнул "Пошел ты, жирный ублюдок!", и гнилой кусок фрукта вылетел из собравшейся толпы и облепил испачканные дублет и блузу Юстиниана. Разбойник, накинувший петлю на его шею, по имени Грейвс, был краснолицым и жесткоглазым, как любой убийца, резчик и широколобый, и он схватил Юстиниана за седые и редющие волосы, оттянув его голову назад и вызвав вопль у низкорослого и толстого человека.

"Долбаные слуги короны слишком долго трахали нас в задницу!" - прорычал он толпе, и толпа одобрительно загудела. Его акцент был резким, грубым, некультурным. "Этот боров набил себе брюхо, пока наши дети голодали!"

"Есть!" - раздался рев из толпы, и Грейвс, в капюшоне, зловещий, со шрамом, тянущимся по одной щеке, с явным следом от удара ножом, придал ему опасный вид.

"Ложь!" - крикнул Юстиниан. "Нуждающиеся и их дети всегда находили у меня приют! Я вижу в этой толпе лица, которые умоляли и получали пищу из моих личных запасов!"

"Ты имеешь в виду женщин!" - вскричала старая старуха и бросила Юстиниану твердый кусок черствого хлеба. "Женщин ты морил голодом, пока они не раздвинули ноги, чтобы получить немного тушеной баранины!" И крики возобновились: толпа в плащах и капюшонах, с желтухой в глазах и язвами на губах, голодная и злая. Можно было не сомневаться, что они собрались, чтобы увидеть, как свернут шеи благородных, как прольется благородная кровь.

"Жри дерьмо, повелитель короны!" - добавил дикоглазый мужчина. "Ты трахнул мою дочь, ублюдок, всего лишь за корзину клубней! Теперь ее брюхо велико от твоего ублюдка, и кто будет кормить ее, когда наши сундуки и погреба пусты, как твоя собственная душа, пропитанная салом?" Он отпрянул назад и бросил камень. Юстиниан, с надежно связанными

за широкой спиной руками, не смог защититься, и снаряд угодил ему в щеку, оставив болячку.

"Ладно, старина", - произнес Грейвс своим гравийным голосом, перебрасывая Юстиниана через люк. "Время для воздушного танца". Толпа оживилась, и он решил, что пора, пока они не решили забраться на эшафот и разорвать толстого дворянина на части голыми руками. Это были трапперы, резчики, колесники и всадники, водители и фермеры, чандлеры, пыльщики и шахтеры - люди, привыкшие работать руками.

Юстиниан зарычал и заскулил от страха, но его закованные в кандалы ноги почти не оказали сопротивления более молодому и сильному человеку. Шум толпы затих, все затаили дыхание, ожидая сигнала Грейвса рычагу - другому из его сопротивления, который завершит смерть Юстиниана ударом кнута, щелчком веревок и падением петли. Ни Грейвс, ни этот другой не носили капюшонов палача, потому что убийство знатного человека на Окраине не было для них чем-то постыдным или позорным. Дела шли так плохо, так тяжело, так мучительно, что благородная кровь на руках человека была предметом гордости.

Но прежде чем был отдан приказ, из центра толпы раздался голос, подобный клариону. Он исходил от фигуры среднего роста в плаще с капюшоном. "Задержитесь и подумайте!" - кричали скрытые уста. "Ибо это жестокое "правосудие", о котором вы размышляете, может быть вновь применено к вам!"

Толпа сделала шаг назад от новоприбывшего. Капюшон плаща был глубоким и скрывал большую часть лица; четко очерченный рот без язв, без грязи, острый нос и несколько прядей светлых волос, растущих у воротника, были единственными физическими признаками, сопровождавшими это провозглашение. Однако новый голос, как ни странно, принадлежал взволнованной женщине, а речь - благородному языку, используемому при дворе и на церемониях. "Вам дается один шанс - вернуться домой без насилия и вернуть себя под власть короны".

"Сочувствующий!" - крикнул грязноволосый мужчина и быстро достал инструмент для подковывания лошадей с привязанным металлическим шипом. Жителям окраин не разрешалось иметь боевое оружие, но многие находили, что кирка шахтера, лук охотника, вилы фермера или даже нож мерина хозяина могут служить более чем хорошо. "Мы, блядь, тебя вместе с ним на веревку посадим!"

<http://erolate.com/book/3855/104537>